

СЕРГЕЙ
Зверев

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ БОЕВИК

СПЕЦНАЗ

ТАРАН

Сергей Иванович Зверев

Таран

Серия «Спецназ»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6222147
Зверев С. И. Таран : Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-67262-2*

Аннотация

Жена спецназовца Евгения Таранова написала разоблачительную статью о местных криминальных авторитетах, за что была жестоко наказана. По указанию бандитов ее похитили, изнасиловали и «посадили» на героин. Таранов был вне себя от горя и ярости. Он нашел одного из авторитетов и безжалостно расправился с ним. А вот остальным отомстить не успел. Спецназовца арестовали, осудили за убийство и отправили на долгие годы в колонию строгого режима. В день вынесения приговора Евгений Таранов поклялся, что ни одному из подонков, разрушивших его жизнь, не удастся уйти от возмездия. За злодеяния им придется заплатить, и цена будет высокой...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	53
Глава 4	67
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Сергей Зверев

Таран

Глава 1

Централ

Пришла весна... Пригрело солнышко, растаял снег, проклюнулась первая зелень, воспрянула духом птичья мелюзга. Природа радовалась жизни, и только Тарану было не до веселья. Он тянул срок, то есть сидел в тюремной камере, а точнее – в общей «хате» на двадцать восемь рыл, где кантовалось не три, а пять десятков заключенных.

Четыре с лишним комплекта апостолов, бляха-муха! Неудивительно, что в коллективе то и дело иуды обнаруживаются. Куда же без них.

Лениво размышляя о том о сем и ни о чем конкретном, Жека Таранов по прозвищу Таран шуршал позавчерашней газетой «Вечерние вести», выданной ему на час за сигарету с фильтром.

В газете писали, что скоро экономический кризис рассосется, что все образуется, что скоро настанет жизнь совсем хорошая. Судя по фотогеничной ряшке политического деятеля, поделившегося с читателями оптимистическими про-

гнозами, лично у него дела обстояли очень даже неплохо. Фотографию кто-то снабдил неприличной надписью, а деятелю пририсовал свиной пятак. От этого он казался еще более цветущим и радостным. Как говорится, кому война, а кому мать родна.

За занавеской деликатно покашляли, давая понять, что Таран кому-то срочно понадобился. Хотя он находился не в поезде и никуда не ехал, собственное купе у него имелось – нижняя койка, занавешенная драной простыней с подозрительными пятнами и черными метками от сигарет. Большая привилегия для зэка, не относящегося к воровской братии. Тарану довелось немало поработать кулаками, ногами и различными предметами обихода, чтобы отстоять право на уединение.

– Кхе! – раздалось над ухом. – Кхе-кхе!

И кого принесла нелегкая?

Таран шумно задышал, притворяясь спящим. Но визитер не уходил, продолжая сопеть и топтаться рядом.

– Чего тебе? – спросил Таран, высунувшись из логова.

Перед ним стоял Бизнесмен Федька, прозванный так за маниакальную страсть что-то продавать, покупать или хотя бы обменивать по бартеру.

– Кукла есть, – заговорщицки подмигнул Федька.

«Куклой» на воровском жаргоне называлась пачка резаной бумаги, замаскированная денежными купюрами. Незаменимая вещь для жуликов всех мастей. Но Таран никогда

не был жуликом.

– Я кидняком не занимаюсь, – сказал он, приготовившись задержать простыню.

– Настоящая кукла, без бэ, – жарко задышал Федька кислыми щами.

Ноздри Тарана брезгливо сузились.

– Не девочка – в куклы играть, – отрезал он.

– С моей куколкой любой поиграть захочет, хи-хи. – От избытка чувств Федька прихрюкнул. – Ох и цаца! Надувная, слышал про таких? Между ног две дырочки, а ротик изнутри бархатом обшит, мя-яконький. Собираюсь ее в аренду сдавать. Многие записались. Ты как?

Бизнесмен авторитетом в хате не пользовался, но воры его ценили и оберегали за умение раздобыть что угодно, начиная от мобильных телефонов и заканчивая жевательной резинкой, из которой тюремные умельцы мастерили массу полезных вещей. Бить его за деловое предложение Таран не имел права, а просто отшить Федьку ему показалось скучным. Полистав газету, он остановил выбор на странице, посвященной фоторепортажу с какой-то модной столичной тусовки. Одна из цветных фотографий изображала Катюшу Куршавель, сексапильную певичку, полусветскую львицу и особу, приближенную к сильным мира сего.

– Точно такую хочу, – заявил Таран, тыча пальцем в фото. – Сделаешь?

Бизнесмен Федька не стушевался.

— Моя кукла тоже светленькая, — обрадовался он, предвкушая выгодную сделку. — И волосики такие же распатланные. Значит, записываешься? Дырочки махонькие, непромокаемые, а...

— Что ты привязался ко мне со своими дырочками погаными, — перебил коммерсанта Таран. — Ты мне рот обеспечишь, как у Катюши. — Он развернул газету, демонстрируя осклаившуюся в улыбке певицу. — Чтобы до ушей и зубастый. Тогда я твою куклу просто выкуплю с потрохами.

— Но зубастых не бывает, — опечалился Федька.

— Вот когда появятся, тогда и приходи, — сказал Таран. — Свободен. Ускорение придать?

Бизнесмену ускорение не потребовалось. Опасливо поджимая зад, он отправился искать других потенциальных заказчиков, не слишком привередливых. Таковых в камере находилось немало.

* * *

Возвратив газету владельцу, Таран сел на койку, прикидывая, чем бы себя занять. В тюрьме только и остается, что убивать время. Хотя на самом деле время само постепенно убивает нас, мучая и калеча.

Таран закурил, стряхивая пепел в консервную банку. Перед его глазами предстала знакомая до боли, опостылевшая до тошноты картина. Два ряда двухъярусных шконок, ухо-

дящих в душный полумрак. В проходе толчется народ, за столом-дубаком что-то перетирают подручные смотрящего, всюду развешено линялое тряпье, торчат босые ноги и головы: лохматые и стриженные, лысые или просто обритые наголо.

Чем-то напоминает забитый до отказа общий вагон, только не прицеплен этот проклятый вагон к локомотиву, и не едет он никуда, а стоит на месте... месяцами, годами, веками...

В конце длинного узкого прохода зеленеет металлическая дверь с глазком и откидным «намордником». Слева от нее вонючий дальняк за вытертым до дыр байковым одеялом. Справа – умывальник с гулкой черной раковиной. Н-да, не курорт с пальмами. Хотя гомонит народ похлеще любой обзьяньей стаи.

– Га-га-га!..

– Гы-гы-гы!..

– А то еще случай был. Я ей руку под юбку, мац-мац, а там...

– Да известно, что там. Галушка! Скользкая, теплая, в маслице, хе-хе...

– Была бы галушка, парни, так нет, – интригует слушателей рассказчик, смоля углом рта слюнявый окурок. – И не теплая, а как раз очень даже наоборот. Холодная, как мороженая селедка.

– Это как же? Умерла она, что ли, маруха твоя?

– На ходу? Нет, братан, там другое...

Таран отключил слух, машинально настраиваясь на другой базар. Истории про говяжьи вырезки, выносимые работницами мясокомбината через проходную в специальных безразмерных трусах, звучали в камере чуть ли не ежедневно. В одной из вариаций речь шла про винзавод и ворованный портвейн в полиэтиленовых емкостях. У какой-то нерасторопной девахи мешочек лопнул, ну а дальше известно что... *Эх, в краю моем родном телки мочатся вином...*

И снова бу-бу-бу, ду-ду-ду.

До ушей зажмурившегося Тарана донесся вкрадчивый голос Каюка, разводящего кого-то из молодого пополнения.

– Оно понятно, что ты никого не кидал, – плел сеть Каюк, – но статью-то по-любому припаяют. Сколько вменяют, страдалец?

– Полторушку, – ответил простодушный собеседник.

– Это что же за статья такая? Хулиганка?

– Я не о сроке, я о бабках. Полторы штуки зелени. Меня обвиняют, что я их присвоил, а на самом деле меня там вообще не было...

– погоди, не части. Полторы, говоришь?

– Угу.

– И где же они? – любопытствовал Каюк.

Судя по тому, что в камере сделалось тише, к диалогу прислушивался не один Таран. Нечто подобное происходит в птичьей стае, когда один самец начинает поклевывать дру-

гого. Сперва не больно, чтобы не спугнуть раньше времени. Кто сказал, что ворон ворону глаз не выклюет? Вы их в тесную клетку посадите, тогда увидите.

– Так где? – нетерпеливо спросил Каюк.

– Откуда мне знать? – занервничал молодой. – Говорю же, ничего я не брал.

– Хочешь сказать, что не видел этих баксов?

– Не видел!

– Никогда? – подсек Каюк.

– Никогда, – подтвердил молодой, не чувствуя подвоха.

Таран повернулся направо, где у обшарпанной стены под высоким окошком велся этот гнилой базар. Молодого ловили на слове, а тюрьма – это такое место, где приходится отвечать за свое любое, самое пустяковое утверждение. Если ты не уверен, что разбираешься, например, какова мощность двигателя «Тойоты» определенной марки, то лучше не спорить, а помалкивать в тряпочку. И так в любом разговоре, даже самом невинном. Каждая фраза может быть воспринята буквально, и тогда держись! Сказать, что плевал на кого-то, все равно что плюнуть. Заявить, что никогда не видел денег, – нагло соврать. А за ложь и к ответу привлечь могут.

Не то чтобы Тарану было жаль лопухого толстолобика, заглотившего наживку, но Каюк ему активно не нравился, поэтому он неохотно процедил:

– Э, молодой! За делугу молчи. Имеешь полное право.

– А мы уже не за делугу, – ощерился Каюк, – мы за баксы,

которых Витек никогда в жизни не видел. Я ничего не путаю, Витек? Отвечаешь? Ну, повтори: я никогда в жизни не видел баксов. Громко повтори, чтобы все слышали.

Совсем запутавшийся Витек открыл было рот.

– Ша! – произнес Таран. – Ну-ка сам повтори, Каюк. Что ты только что сказал?

Физиономия Каюка перекосилась, словно он хлебнул укусу.

– Ну? – усилил нажим Таран. – Давай. Помнишь, что только что прочирикал? Нет? Тогда напоминаю, ты сказал, что никогда в жизни не видел баксов. Я свидетель. Сам-то ты за базар отвечаешь?

Витек, начавший что-то понимать, прикусил язык. В камере стало тихо. Нехорошая это была тишина, опасливая, выжидательная.

– Не много на себя берешь, Таран? – спросил Каюк, поглядывая на примолкшую братву за столом. – Тут у нас, паря, не богадельня. Ты ничего не попутал?

– Гляди сам ничего не попутай, – предупредил Таран. – А то не заметишь, как на пальме окажешься.

Подразумевались верхние нары, где обитали рядовые, самые бесправные заключенные. Воры никогда не ютились на «пальмах». Для них это было западло.

Услышав намек, Каюк побледнел от злости. А Таран как ни в чем не бывало продолжал:

– Загоню наверх, будешь до скончания века шишки аф-

риканские собирать. Вопросы есть? Претензии? Нет? Тогда тема закрыта.

По камере пронесся общий выдох. Как-то метнулся к столу, что-то тихо заговорил, озираясь через синее от наколок плечо. Оловянные глазенки его были переполнены ненавистью. Стальные зубы скрежетали от возмущения.

Таран обвел взглядом камеру. На него старались не смотреть. Кто-то делил таблетки, кто-то зарабатывал сахар тем, что позволял лупить себя по башке миской, кто-то выискивал вшей в швах. А вон еще один зеленый толстолобик учится срезать ногти на ногах лезвием, за что будет наказан, поскольку не подстелил газетку, в которой следовало выбросить мусор. Все по понятиям, каждая оплошность грозит нехорошими последствиями. Так было вчера, позавчера и сто лет назад.

Так будет завтра, послезавтра и много-много лет подряд, а каждый год состоит из трехсот шестидесяти пяти дней, складывающихся из томительных часов, бесконечных минут и лениво ползущих секунд...

Размышления Тарана прервал тихий голос.

– Спасибо, – пробормотал лопоухий Витек, – я как-то не подумал...

Он стоял перед Тараном, переминаясь с ноги на ногу. Вид у него был несчастный. Глаза – виноватые, как у нашкодившего щенка. Погладишь такого, он хвостиком завилает и увяжется, словно нитка за иголкой. Одни проблемы от таких

малахольных.

– Мне по барабану, подумал ты или не подумал, – отрезал Таран, глядя мимо Витька. – Хочется метлу распускать – распускай, но подальше отсюда.

– Ме... метлу?

– Язык.

– А, понял! – просиял Витек.

– Сомневаюсь, – проворчал Таран.

– Честное слово.

– Словами честными не бросайся и вообще балаболъ поменьше. Язык мой – враг мой. Слыхал?

– Конечно! – закивал Витек. – Это изречение принадлежит...

– Вот сиди тихонько, вспоминай чужие мудрые мысли и своих заодно набирайся. – Таран махнул рукой. – Иди. Возле меня не крутись, не люблю. Да и опасно это для пассажиров вроде тебя. Ступай, тебе говорят. Раздражаешь ты меня.

Видимо, лопоухий Витек припомнил еще одно крылатое выражение, что-нибудь вроде того, что промедление смерти подобно. Пробормотал свое жалкое «спасибо» и слинял, словно его и не было. А смотрящий пристально зыркнул на Тарана и качнул головой: иди, мол, сюда.

Отказаться было нельзя. Каюк – это сямка, а смотрящий – это смотрящий. Лучше не зарываться.

Сидящие за столом напускали на себя важность, давая понять, что шутить не намерены. Не так давно они были готовы молиться на Тарана, вставшего с ними плечом к плечу во время разборок с гопотой залетной, но нынче опасность миновала, и отношения вступили в новую фазу. Тебя ценят, пока ты нужен. Потом уже не ценят, а оценивают. Не пора ли тебя сожрать, братишка?

Таран подошел вразвалочку, опустился на скамью, вопросительно приподнял бровь:

– Зачем звал?

– Разговор будет, – со значением произнес Паленый, он же смотрящий.

Погоняло дали ему за многочисленные ожоги, делавшие его похожим на героического танкиста, горевшего в «Т-34» на подступах к Берлину. Но воевать Паленый, разумеется, не воевал, а подпекся по пьяному делу, когда уснул на диване с дымящимся окурком в руке. Во всяком случае, так однажды шепнули Тарану, а дальнейшие подробности его мало интересовали.

– Говори, – предложил Таран.

Смотрящий взглянул на Каюка, передавая тому слово. Его изуродованное лицо сохраняло безразличие, а глаза бегали из стороны в сторону. Приближенные тоже старались не

смотреть на Тарана, скрывая намерения. Как волки, позевывающие вокруг окруженного секача. Стоит показать слабину, и набросятся всем скопом.

– Он рамсы совсем попутал, – подал голос Каюк, с ненавистью глядя на Тарана. – Рассуди нас, Паленый. Я мастевой, а он кто по жизни? Не мужик, не фраер, не вор. Хотелось бы определиться, а то сплошные непонятки.

В его словах был резон. В тюрьме царит жесткая иерархия, нарушать которую не позволено никому. В первую очередь все сидельцы делятся на две основные группы. Это те, кто живет воровской жизнью, «по понятиям», и те, кто совершил преступление случайно, по пьянке или по глупости. «Честные воры» и «нормальные пацаны», именующие себя бродягами или каторжанами, занимают верхние ступени иерархии. Все остальные «пассажиры» расцениваются ими как шушера. Беда Тарана состояла в том, что он не относился ни к тем, ни к другим. Хотя кличку ему дали уважительную, громкую, но это был как бы аванс за прежние заслуги. Что дальше?

Похоже, настал момент определяться.

– Заясни ему, Паленый, – потребовал Каюк.

Чтобы не сорваться, Таран смотрел на свои руки, выложенные на стол. Пальцы норовили сжаться в кулаки, однако он им своевольничать не позволял.

Заключенные притихли, украдкой наблюдая за происходящим. Всем было любопытно, чем закончится разбор по-

летов. Даже бывший депутат Сатиков высунул голову из-под шконки, куда загнали его за неправильное использование ненормативной лексики. Хорошо еще, что не посадили на то самое, на чем он, как ему померещилось, видал своего оппонента в споре. Ну, это дело наживное, о чем проникновенно поется в одной хорошей старой песне. Все еще впереди, раздаться и жди...

Таран помотал головой, прогоняя невеселые мысли. Его внимание вновь сосредоточилось на сидящих за столом.

Каюк бросил еще парочку предъяв и заткнулся, выжидательно глядя на Паленого. Тот молчал. Коренастый Матрос водил пальцем по столу, выписывая невидимые письма. Грек и Винт, сидящие по обе стороны от Тарана, незаметно поигрывали мускулами, готовясь к самому неожиданному раскладу. Баламут тихонько отодвинул подальше выдавшую виды гитару о четырех струнах. Дрянъ инструмент, а жалко. Если кто-то случайно проломит в драке, другой гитары в тюрьме днем с огнем не сыщешь. Здесь каждая безделушка дорого стоит.

Все, кроме человеческой жизни.

Таран услышал, как урчит его желудок, сжавшийся в предчувствии схватки. Паленый открыл рот, но лишь для того, чтобы провести языком по пересохшим губам. Его кореша тоже молчали, неподвижные, как экспонаты в музее восковых фигур. Застыли на клетчатом тряпичном поле самодельные шашки... спертый воздух загустел, как кисель... оце-

пенели полуобнаженные зрители в грязных трусах и мятых спортивных штанах. Лишь тараканы продолжали бойко сновать по закопченному потолку, то и дело шлепаясь оттуда на стол. С треском раздавив одного из них кружкой, Паленый размеренно произнес:

– Не хочу огорчать тебя, Таран, но ты и впрямь неправильно себя ставишь в коллективе. Люди не понимают.

– Не понимают, – поддакнул Каюк голосом мультяшного шакала, увивающегося вокруг Шерхана.

Матрос, Грек и Винт наклонили головы в знак согласия. Баламут набросил на гитару одеяло и нервно засвистел сквозь щербатые зубы. На него шикнули.

– Ладно, – продолжал Паленый, – показал себя честным пацаном, проявил характер, заработал авторитет. А дальше?

Пять пар глаз вопросительно уставились на Тарана.

– Понятия не имею, – сказал он. – Человек предполагает, а бог располагает.

– О как! – крикнул Винт.

– На бога надейся, да сам не лоханись, – изрек Грек с таким глубокомысленным видом, словно получил погоняло в честь Сократа.

Матрос криво усмехнулся, переглянувшись с Баламутом.

– Ты бога в наши разборки не впутывай, мы тут и без него разберемся. – Паленый вставил в рот сигарету, прикурил от протянутой Матросом зажигалки, неспешно выпустил дым под стол.

– Со мной? – спросил Таран беспечным тоном человека, обсуждающего что-то абсолютно его не касающееся.

Паленый вперил в него тяжелый взгляд.

– Знаешь, почему к тебе отношение особенное? Когда спортсмены боговать пытались, – продолжал он, не дождав-
шись ответа, – ты за воров подписался и шушеру эту из хаты
заставил выломиться. – Паленый затянулся дымом, задержи-
вая его в легких. – Статья у тебя серьезная, перед ментами
ты не стелишься, на подянки кумовские не покупаешься.
Уважаю. – Дым из его ноздрей потянулся к потолку, усеян-
ному тараканами. – Но когда ты Каюка честного заработка
лишаешь, это косяк, Таран. Конкретный косяк. – Паленый
обвел взглядом свиту, после чего вновь уставился на Тара-
на. – Лох, он на то и лох, чтобы кормить братву. Зачем же
ты его раскручивать мешаешь?

– Мы, между прочим, хавать хотим, – вставил Матрос.

– Вот он пусть и кормит!

Каюк ткнул пальцем в направлении Тарана. Тот не стер-
пел.

– Убрал граблю! – угрожающе процедил он и стиснул зу-
бы, чтобы не произнести роковое слово «козел», вертящееся
на языке.

Каюк опустил руку.

– Я тебя все равно подловлю, фраерок, – пригрозил он. –
Крутым себя считаешь? Посмотрим.

– Кто не с нами, тот против нас, – развивал мысль Пале-

ный, дымя сигаретой. – Это какой-то очень дельный пахан сказал, и я под его словами подписываюсь. Хочется со всеми удобствами в «купе» ехать? – Он кивнул на нижнюю койку Тарана, завешенную простыней. – Тогда соблюдай правила движения.

– Согласно купленным билетам, – некстати брякнул Грек.

– А не нравится тебе наша компания, перебирайся на пальму, куда обещал загнать честного каторжанина, – подытожил Паленый, подразумевая верхний ярус нар, предоставленный в распоряжение «пассажиров».

– Не по делу ты на Каюка наехал, – высказался Баламут.

– Он в своем праве, а ты? – поддержал Болт.

– Наш ты или нет? – спросил Матрос.

– Решай, – сказал Грек.

– Я сам по себе, – медленно произнес Таран.

– До завтрашнего утра, – сказал Паленый, хлопнув по столу корявой ладонью. – После подъема тыходишь ко мне и четко говоришь, с кем ты по жизни.

– А если нет?

– Тогда мы за тебя решим, – пообещал Каюк. Его костистое лицо подергивалось, как будто он тайком онанировал под столом.

– Слыхал? – спросил Паленый.

Ответить Таран не успел. С верхних нар под решеткой прыгнул юркий малый и протянул смотрящему тюремную записочку – маляву, полученную по сложному веревочному

пути сообщения, проведенному между окнами.

– Тебе, – сказал он Паленому. – От шу-шу-шу...

Остальное было произнесено неразборчивым шепотом.

Паленый развернул скатанную в трубочку бумажку, пробежал глазами по карандашным строчкам и заметно изменился в лице. Матрос, внимательно наблюдавший за смотрящим, нахмурился. Остальные заерзали, как на иголках. Когда в глубине камеры началась какая-то возня, сопровождаемая руганью, Баламут метнулся туда, прихватив со стола вилку.

– А ну, полегла, ботва! – завопил он, страшный в своем внезапном истерическом припадке. – Еще кто вякнет, язык вырву и сожрать заставлю. Не видите, смотрящий над малявой кумекает?

«Чапай думает», – пронеслось в мозгу Тарана. Мысль была забавная, но он не улыбнулся. Он вообще редко улыбался с тех пор, как попал за решетку. Тут было мало поводов для веселья. Гораздо меньше, чем того хотелось бы.

* * *

Дочитав послание, Паленый чиркнул спичкой. Пока малява горела в консервной банке, он хранил молчание, обдумывая что-то для себя важное. Потом, смерив Тарана странным взглядом, покачал головой.

– А ты не простой босяк, – неопределенно усмехнулся он.

– Что? – нетерпеливо спросил Каюк. – Рвать будем?

Его прокуренные клыки хищно оскалились. Матрос как бы невзначай сел боком, чтобы можно было мгновенно выскочить из-за стола. Грек и Винт синхронно запустили руки в карманы, где хранились явно не молитвенные четки. Таран не пошевелился, но незаметно напрягся, готовясь бить первым, бить так, чтобы не тратить время и силы на добавку.

– Что ж ты, братан, сразу не сказал? – спросил Паленый, растягивая потрескавшиеся губы все шире и шире. – Нехорошо, ой, нехорошо.

В этих «нехорошо» чудилось змеиное шипение. Облизнулся Паленый тоже по-змеиному, быстро и алчно.

Винт как бы невзначай извлек из кармана нож и занялся чисткой своих невероятно грязных ногтей.

– Бока запорол? – предположил Каюк, уставившись на Тарана.

– Зашкварился, может? – подхватил Баламут, весь подергиваясь от нетерпения.

– Уж не стукачок ли? – процедил Грек.

– Это ты про меня? – уточнил Таран.

Не вставая с места, он мог бы достать кулаком любого из сидящих за столом. Но начинать следовало с Винта. Ногти тот чистить не наловчился, зато в остальном орудовал финкой не хуже, чем кубанский казак шашкой. Тарану доводилось видеть Винта во время поножовщины. И ему не улыбалась перспектива подохнуть на полу с перерезанной глоткой.

– А если про тебя? – спросил Грек, растягивая слова.

– Ша! – Паленый врезал кулаком по столу. – Придержали ботала! За Тарана такой человек мазу держит, что вопросы к нему отпадают. Пока. – Он сладко улыбнулся. – Если не окажется, что ошибочка вышла. – Паленый, продолжая улыбаться, подмигнул Тарану. – Давно знакомы?

– С кем?

– С Шестипалым.

– Оба-на! – вырвалось у Баламута.

Грек с чувством высморкался. Какую втянул голову в плечи, словно желая стать совсем маленьким и незаметным. Таран решил не подавать виду, что лишь понаслышке знает о существовании Шестипалого. Зачем открывать карты, когда у твоих противников и так все козыри на руках?

– У Шестипалого спроси, – предложил Таран.

– Нужно будет, спрошу, – сказал Паленый, но было ясно, что это было произнесено лишь для поддержания авторитета. – И учти, косяки остаются косяками.

Это Таран и без подсказчиков знал. Не вступая в дальнейшие дискуссии, он отправился к себе в «купе», отгородился от камеры занавеской и закрыл глаза. Он пытался вызвать мысленный образ Наташи, своей несостоявшейся невесты. Любил ли он ее по-настоящему? Возможно, нет, но другой любви у него никогда не было. Любила ли его она? Пожалуй, да, хотя теперь это не имеет значения. Между ними все кончено. Их разделяют тюремные стены, время и многое другое,

о чем лучше не думать. Потому что исправить ничего нельзя. Потому что в прошлое невозможно возвратиться...

Обрывочные картинки, факты, смутные образы. Легче полотно «Утро стрелецкой казни» сложить в натуральную величину из пазлов, чем восстановить в мозгу прошлое. Всегда остаются темные провалы, заполнить которые нечем. И все же без воспоминаний не обойтись. Потому что без них человек уподобляется крестину.

Важно только то, что здесь и сейчас, говорят буддисты. Пусть говорят. Нормальные люди не в состоянии обходиться без «там» и «тогда»...

* * *

Наташа работала журналисткой и познакомилась с Тараном, когда он с командой МЧС ловил лосенка, сдуру забредшего в город. С лосенком в обнимку она его и сфотографировала. Потом зачем-то снимала его уже одного, сидящего на Наташином диване с бокалом вина в напряженной руке. А еще через полчаса стало не до фотографий.

Им было хорошо вместе, очень. Кончая, Наташа будила всех соседей по лестничной площадке, а опомнившись, бегала по квартире голышом, закрывая балкон и окна. «Поздно, – посмеивался Таран. – Да и вообще я уже не в настроении».

Ложь. Он все время был в настроении. Он терзал Ната-

шу до изнеможения, но ему всегда было мало. Так продолжалось около двух месяцев. Наконец Таран подарил Наташе обручальное колечко с крохотным бриллианчиком и предложил ей пожениться, чтобы не тратить время на поездки друг к другу. Она разревелась, как девчонка, и выбежала из комнаты, а когда вернулась, на ней не было ничего, кроме подаренного Тараном колечка. Помолвку отмечали до трех часов ночи, пока в стену не постучали чем-то тяжелым.

На следующий день Наташа укатила в соседний город Курганск, где ей поручили собрать материалы для сенсационной статьи про курганскую мафию. Должно быть, накопила она там немало, потому что статья получилась, что называется, разгромная. Наташа читала ее Тарану вслух, рассеянно крутя колечко на безымянном пальце. Он так же рассеянно гладил ее по атласной спине, вдыхая аромат ее волос. Дочитав, она пригрозила, что, если завтра же он не переберется к ней с вещами, она заведет себе самую злую на свете собаку, и тогда уже Таран к ней не сунется. В ответ он сказал, что раз не боится Наташи, то его никаким стаффордширским бультерьером не напугаешь. Она расхохоталась, но немного обиделась. Или сначала обиделась, а потом рассмеялась? В общем, о собаках они говорили недолго, потому что кто-то кого-то повалил на диван, и стало не до диалогов.

Вечером следующего дня Таран подъехал к Наташиному дому с чемоданом и двумя сумками, набитыми всевозможным барахлом. По дороге он прихватил букет, который сло-

мал, когда вытаскивал из машины вещи, после чего букет приобрел сходство с банным веником, затейливо украшенным розами. Вручать его не пришлось. Наташи дома не оказалось. Ни в тот день, ни на следующий, ни через две недели. Ее телефон не отвечал. В редакции не знали, куда она запропастилась.

Таран отправился в полицию. Было возбуждено уголовное дело по факту исчезновения гражданки такой-то. Заводили его неохотно, со скрипом, а закрыли мгновенно. Дело в том, что Наташа нашлась. Сама. Совершенно невменяемая, но вроде как невредимая.

Вот именно что вроде...

Когда Наташу удалось привести в себя, она рассказала такое, после чего планы насчет женитьбы отпали сами собой. Перед Тараном сидела не прежняя невеста, а изможденная, морально раздавленная женщина с подергивающимся ртом и тусклым взглядом. Он смотрел на нее, а сам вспоминал тот злополучный букет роз. Цветы такие хрупкие, они легко ломаются и больше уже никогда не цветут.

Наташа рассказывала о себе, как о посторонней, малознакомой и малопривлекательной особе. Ее похитили, говорила она, уставившись на свои стиснутые пальцы. Кто? Один из братьев-разбойничков Соловьевых, которые являлись главными персонажами статьи о курганской мафии. Отморозки Соловьева схватили Наташу в подъезде, сделали ей укол и вынесли, сонную, на носилках. Отвезли в Курганск. Посадили на

цепь. Опять укололи и изнасиловали. Еще и еще. Длилось это целую вечность. То иглу в вену воткнул, то член между ног загонят. В перерывах кормили, давали спать, заставляли мыться и водили в сортир на привязи. Потом отпустили на все четыре стороны. Конец истории. Больше Наташе рассказывать было нечего. Она разрыдалась, а когда Таран вышел, вскрыла себе вены осколком бутылочного стекла.

Ее вытащили с того света, но не прежнюю Наташу, а ее бледное подобие, истеричное, дерганое, жалкое. Зачем? Она этого и сама не знала. После измывательств в плену Наташа слегка тронулась рассудком, а при виде Тарана хваталась за любые острые предметы, чтобы завершить то, что помешали ей сделать медики. Врач сказал Тарану, что в Наташиной крови слишком много героина, чтобы надеяться на быструю реабилитацию. Слово «быструю» он произнес после некоторой запинки, как бы вселяя надежду. Мол, не сейчас, так потом. А Таран не мог ждать. Особенно после того, как был вызван в полицию, где с ним потолковал по душам один большой начальник, до того большой, что едва умещался в своем кителе пятьдесят второго размера. Этот ожиревший урод с погонами полковника на рыхлых плечах предложил Тарану успокоить невесту, которая, оказывается, наводит напраслину на честных бизнесменов Соловьевых. Иначе... Не дождавшись наводящего вопроса, большой и толстый полицейский чин объяснился. Он, обладая погонами и какими-то там еще регалиями, брался посадить Наташу за распространение

наркотиков. Каких наркотиков? Героина, разумеется. Того самого, которым сама обкололась до потери человеческого облика, стыда и совести.

Таран сдержался только потому, что ему нужно было покинуть полицейский кабинет без наручников. Он слушал полковника и молчал, ощущая металлический привкус крови во рту. Дождавшись окончания тирады, заставил себя кивнуть и вышел. Домой он заехал лишь для того, чтобы захватить пистолет, сохранившийся на память о службе в спецназе. Заодно положил в карман документы, потому что не собирался убегать и прятаться. Пусть хватают, пусть арестовывают, пусть судят. Тарану сломали жизнь, а новую строить ему было неохота. Апатия, охватившая его, была подобна тяжелой затяжной болезни. Бороться сил не было. Тянуло катиться по наклонной плоскости.

Короче, отправившись в Курганск, Таран разнес пулей череп брата Соловьева, смертельно ранил двух его мордоворотов плюс к этому зачем-то оказал сопротивление при задержании. И вот теперь он здесь, на нарах, а Наташа там... неизвестно где.

Эх, Наташка, Наташенька! Как ты там без Тарана?

Глава 2

Навеки молодая

Наташа Белова никак не могла откликнуться на этот теплepatический призыв. Не только потому, что ее отделяли от Тарана многие километры и тюремные стены с колючей проволокой. Дело в том, что она вообще исчезла из родного города. Ее больше не было там, где видел ее в своих мыслях Таран. Пропала она еще неделю назад. Как пропала? А как пропадают люди? Каждый по-разному.

Одни таинственно исчезают, другие банально сбегают, третьи спиваются, четвертые суются куда не следует. Некоторые потом находятся, иногда – живые и здоровые, иногда – мертвые и обезображенные.

У Наташи Беловой была своя собственная история, похожая и не похожая на сотни, тысячи, миллионы других.

В то роковое утро она чувствовала себя разбитой, несчастной и обессиленной. Всю ночь промучилась без сна, страдая от невыносимой ломки, известной любому наркоману. У каждого наслаждения есть обратная сторона медали. Чем выше взлет, тем больше падать. Принимая дозу, Наташа парила в облаках, а теперь ее будто с размаху швырнули о землю.

Ворочаясь с боку на бок, она стонала, кусая подушку.

Рукам и ногам никак не удавалось найти удобное положение. Кости ныли, как будто сквозь них пропускали ток или сверлили бормашиной. Кожа покрывалась то мурашками, то липким потом, воняющим аммиаком.

Решив отказаться от героина, Наташа переоценила свои возможности. Она даже не предполагала, через какой ад ей придется пройти. Не представляла, какие кошмарные страшилища водятся в этом аду. Они были такими же реальными, как предметы обстановки. Когда по комнате начинала метаться черная лошадь с гноящимися глазами, Наташа ощущала ее запах и тепло, видела ниточки слюны между ее зубами, чувствовала, как вздрагивает кровать от топота копыт. Не менее реальными были ласточки и летучие мыши, кружащиеся вокруг светильника под потолком. Лампочки не горели, но, прикасаясь к ним крыльями, птицы и мыши вспыхивали, обращались в пепел и осыпались на пол. Иначе и быть не могло, потому что они были крошечными, как мошкара, а черная лошадь порой съеживалась до размеров кошки.

– Кс-кс-кс, – поманила Наташа, протянув руку с ломтиком колбасы, появившимся ниоткуда.

Кошка подпрыгнула, вздыбила спину и юркнула под шкаф, нервно подергивая там кончиком хвоста. «Как же ее зовут?» – попыталась сообразить Наташа. Не сообразила. Еще накануне никакой кошки у нее не было. Никого не было. Ни мамы, ни папы, ни любимого мужчины, ни даже подруг,

которые всегда рядом, если есть тема для будущих сплетен.

Ни-ко-го!

После роковой встречи с курганскими Соловьями-разбойниками прежняя размеренная жизнь рухнула как карточный домик. Наташа осталась одна, совсем одна на всем белом свете. Хотя какой же он белый, если так темно, так страшно и так холодно.

Господи! Спаси и помилуй, господи!

Никто не откликнулся. Только здоровенная, как лошадь, кошка заурчала в углу недовольно. Чтобы не злить ее, Наташа свернулась калачиком и затихла.

* * *

На рассвете, когда ночь за окном стала дымчато-серой, а в доме напротив зажглись редкие желтые окна, мокрая от пота, задыхающаяся Наташа села на кровати и, обхватив раскалывающуюся голову, застонала. Неужели бывает так плохо? Неужели ночь может длиться так бесконечно долго?

– Мамочка, – прошептала она пересохшими губами. – Ой, как худо мне, мамочка...

Охваченная внезапным ознобом, Наташа натянула на себя одеяло. Жаль только, что не додумалась укутаться с головой. В комнате скрипнули половицы. Еще раз и еще. Открыв глаза, Наташа увидела жуткого мохнатого карлика, подкравшегося к кровати на четвереньках. Он был весь зыбкий, словно

сотканный из тумана, но его когтистая лапка, прикоснувшаяся к Наташиной ноге, свидетельствовала о том, что карлик существует в реальности. Он походил на большого пса или на маленького медведя, облепленного паутиной. Его зверская физиономия была покрыта шерстью.

Наташа сдавленно пискнула, а больше не смогла выдать из себя ни звука. Карлик оскалил кривые желтые клыки, словно намереваясь укусить девушку. Но вместо этого он неожиданно лизнул ее в колено и вдруг заскулил жалобно, по-щенячьи, словно умоляя Наташу сделать что-то... или не делать чего-то...

Когда она очнулась от обморока, комната была пуста. В окно светило солнце, смотреть на которое было больно и неприятно. В отличие от луны, солнце не признает человеческих страданий. Оно полагает, что все непременно должны радоваться его появлению. Тем, кто встречает солнце улыбкой, оно слепит глаза и выжигает мозг.

Кое-как дотянувшись до шторы, Наташа задернула окно. Невыносимо яркий свет по-прежнему прорывался сквозь плотную ткань, но уже не доставлял прежних мучений. Охая, Наташа стянула с себя пропотевшую ночную рубашку и швырнула на пол. За рубашкой последовали трусы, превратившиеся в тряпку. Наташа провела рукой по взлохмаченным волосам, напоминающим на ощупь паклю. Каждое движение отдавалось тупой болью в висках. Наждачный язык едва умещался во рту.

«Уколоться», – подумала Наташа, и в ту же секунду ей сделалось легче. Простая спасительная мысль заполнила все ее существо, от воспаленного мозга до кончиков судорожно подергивающихся пальцев.

Уколоться! Уколоться!! Уколоться!!!

Наташа сползла с кровати и босиком отправилась на кухню, хватаясь за стену. Квартира куда-то плыла, раскачиваясь на гигантских волнах, в ушах звенело, перед глазами мельтешили прозрачные головастики. Героин не позволял забыть о себе ни на минуту. Он мог существовать без Наташи, а вот она без него – нет.

В кухне было холодно. Отброшенная ветром гардина телепалась на краю распахнутого окна. На столе валялось надкушенное яблоко со сморщенной кожицей. Съестным даже не пахло. Наташа забыла, когда в последний раз ела нормально.

Мусорное ведро было завалено пустыми пластиковыми бутылками из-под газировки. С трудом открыв холодильник, Наташа достала очередную бутылку, кое-как свинтила крышечку и, подрагивая на слабых ногах, стала пить из горлышка. Ледяная вода лилась на грудь и стекала по животу на пол. Когда зубы заломило от холода, Наташа заставила себя оторваться от бутылки и, постанывая, поплелась дальше.

Сидя на унитазе, она все время боялась потерять равновесие и разбить голову о кафель. Забираясь в ванную, кряхтела, будто преодолевала высокий забор. Под горячим душем ее кожа покрылась пупырышками, как будто ее поливали ко-

лодезной водой.

С тех пор как наркотическая отравка всосалась в ее вены, Наташа Белова перестала быть собой. Это было что-то вроде волшебства, с помощью которого человека превращают во что угодно и в кого угодно. Например, в озлобленную крысу. Или в безмозглую холодную лягушку. Никто эту лягушку не поцелует и не превратит в прежнюю красавицу и умницу, окончившую журфак с красным дипломом.

Ах, не надо было писать ту статью про курганскую мафию! Люди почитали-почитали, перелистнули страницу и углубились в изучение телепрограмм и рекламных объявлений. А Наташа за свое журналистское расследование поплатилась здоровьем, карьерой, любовью и будущим. Ей даже прошлого не оставили, потому что в прошлом у Наташи был жених, а теперь его нет...

Все, что ей оставили взамен, это героин.

Уколоться!!! Уколо-о-оться!!!

Стуча зубами, Наташа выползла из ванной и поплелась одеваться. Чистое белье, к счастью, нашлось, а вот колготки остались только дырявые. Пришлось натягивать джинсы прямо поверх трусов. Справившись с этой непростой задачей, Наташа нацепила на грудь бюстгальтер, выбрала свитерок потеплее и вооружилась феном. Просушив волосы, она кое-как расчесалась, подкрасилась и, набросив плащ, постояла у зеркала в прихожей, собираясь с духом. «Сейчас ты выйдешь, отправишься на почтамт, заплатишь последние

деньги за междугородный разговор, попросишь маму немедленно выслать денег на билет и вернешься домой», – сказала она себе.

«Сейчас ты выйдешь, любой ценой раздобудешь дозу, ширнешься и забудешь о своих горестях», – возразил внутренний голос.

Он оказался громче, этот проклятый внутренний голос. Ему-то Наташа и подчинилась.

* * *

До ближайшей точки, где продавали «дурь», было десять минут ходьбы, однако Наташа предпочла воспользоваться маршруткой. Идти пешком не было сил. Да и те жалкие гроши, которые оставались у нее, не решали проблему. Наташе нужно было много денег. Много и сразу.

Стоя в переполненном салоне, она смотрела на пассажиров сквозь черные стекла очков и гнала мысли о том, чтобы предложить себя одному из потных, угрюмых мужчин, спешащих на работу. А еще Наташа представляла себе, как незаметно запускает пальцы в чужую сумочку и вытаскивает оттуда туго набитый кошелек. Вот до чего она дошла, вот как низко пала!

Ругая себя последними словами, Наташа выбралась из маршрутки, пересекла зеленеющий сквер и свернула в узкий переулок, куда несколько раз навевывалась раньше. На-

встречу ей попался бледный, как упырь, юноша с безумным взглядом и пушкинскими бакенбардами. Потом прошагала под ручку парочка. Парень что-то жарко шептал подруге на ухо, а она механически кивала, едва переставляя ноги на высоких каблуках. Глаза у обоих то ли слезились, то ли сверкали нездоровым блеском. Уже купили порошка и скоро окажутся на вершине блаженства.

Наташе захотелось броситься на них, отобрать добычу и бежать, бежать без оглядки. Но сколько способна пробежать девушка, мышцы которой сводят судороги? Десять метров? Пятьдесят? Сто? Лучше не экспериментировать.

Набросив на лицо фальшивую улыбчивую маску, Наташа приблизилась к старенькой «Мазде» с открытыми окнами. В салоне играла музыка. «Мечтаю, улетаю, таю», – гнусавил неизвестный певец. Вот кто не думает по утрам, на какие шиши приобрести порцию счастья. Мечтает, улетаёт, тает. А попутно кропает бездарные вирши и записывает песенки, которые крутят по радио.

– Привет, – сказала Наташа, заглядывая в машину.

Внутри сидели братья Карелины, распространяющие наркотики в этом районе. Поодаль стояла полицейская «Газель», а в дальнем конце переулочка – ещё одна легковушка, черная, с тонированными стеклами. Наверное, братьев охраняли не только полицаи, но и бандиты. А может, и не охраняли вовсе, а тоже приезжали за своими дозами. Наташу это совершенно не волновало. Ещё ни разу не случилось, чтобы

кого-нибудь арестовали в известном всем наркоманам переулочке.

– Чего тебе? – спросил Карелин-старший из «Мазды». – Колес? Кокса? Герыча?

Он разговаривал, почти не шевеля губами, и беспрестанно шмыгал носом.

– Да, – сказала Наташа. – Герыча. Разовую порцию.

– Бабки. – Карелин подставил ладонь.

– Мне в долг.

– Чего-о?

– В долг, – заторопилась Наташа. – Ты ведь меня помнишь? Я часто здесь бываю. Отдам завтра.

– Или послезавтра, – поскущел Карелин. – Или послепослезавтра. Вали отсюда, дешевка. На паперти побирайся.

– погоди. – Сидящий на соседнем сиденье брат наклонился и вытянул шею, чтобы хорошенько рассмотреть девушку. – Тебя как звать?

– На... Наташа.

– Фамилия как, «На-наташа»? – прикрикнул Карелин-старший, быстро переглянувшись с братом.

– Белова.

Братья снова обменялись взглядами.

«Зачем им понадобилась моя фамилия?» – отстраненно удивилась девушка и тут же позабыла об этой мысли. В голове вертелась другая, гораздо более важная.

Уколоться, уколоться, уколоться!

Младший Карелин поднес к уху мобильник. Старший сделал музыку погромче и высунулся в окно, заслонив брата плечами.

– Завтра отдашь, говоришь? – осведомился он.

– Да, – соврала Наташа не моргнув глазом. – Утром.

– Или днем, – кивнул Карелин-старший. – Или вечером в четверг. Сразу после дождичка.

– Клянусь!

– Знаешь, сколько мы тут клятв выслушиваем?

– Ладно, не напрягай девушку, – это произнес Карелин-младший. Он выбрался из машины и сочувственно смотрел на Наташу поверх лаковой крыши. – Что, хреново тебе?

– Плоховато. – Наташа выдавила из себя улыбку.

– «Ауди» видишь?

– Что?

– «Ауди». – Карелин показал на черную иномарку. – Видишь ее, спрашиваю?

– Вижу, – подтвердила Наташа, приподняв солнцезащитные очки.

– Ступай туда.

– Зачем?

– Непонятливая? – буркнул Карелин-старший.

– Там тебя один хороший пацан ждет, – стал пояснять брат. – У него к тебе срочное дело. Обслужишь, отгребешь сотню баксов. Ну и оттянешься потом на полную катушку.

– Как? – вырвалось у Наташи.

– Как оттягиваются не знаешь?

Это походило на страшный сон, в котором все происходит независимо от твоей воли. Словно сомнамбула, Наташа развернулась на каблуках и пошла прочь из переулка. Сделав несколько решительных шагов, она остановилась. Повернула в обратном направлении. Вернулась к «Мазде».

– Может быть, все-таки в долг дадите? – попросила она.

Карелины синхронно покачали головами. Отрицательно, разумеется.

Наташа посмотрела в сторону черной «Ауди». Оттуда выбрались двое парней, отошли в сторонку и демонстративно отвернулись. Третий парень опустил стекло на задней двери и призывно махнул рукой.

– Пять минут работы, – сказал Карелин-старший, – и трое суток отдыха. Тебе повезло, девочка.

Наташа прижала пальцем дужку солнцезащитных очков и медленно пошла по переулку. Полицейский из «Газели» игриво подмигнул ей и многозначительно почмокал губами. Раздался смех. Точно так же могли бы хохотать гиены при виде беспомощной жертвы. Точно так же смеялись подонки, похитившие Наташу в Курганске и сделавшие из нее покорную марионетку. Это произошло относительно недавно и очень-очень давно, километрах в сорока отсюда. В Курганске Наташина жизнь сломалась и пошла совсем не так, как мечталось. Сперва ее сделали наркоманкой, а теперь вот –

дешевой уличной шлюхой.

Может быть, это и есть Наташино призвание? Может быть, она родилась на свет, чтобы обслуживать всех желающих? Не случайно же ей бывало так хорошо в плену, когда, вколов ей дозу, парни принимались с ней забавляться, передавая друг другу. Их было трое или даже четверо, но случилось так, что Наташе хотелось еще и еще. Героин превратил ее в настоящую нимфоманку. Отходя, Наташа мечтала о самоубийстве, а под кайфом вытворяла такое, что лучше не вспоминать.

Пару недель спустя, когда она добралась до полиции и потребовала наказать насильников, ей рассмеялись в лицо. Оказывается, следствие располагало видеоматериалами, доказывающими, что гражданка Белова Н., находясь в здравом рассудке и памяти, осознанно и добровольно вступала в половую связь со случайными партнерами. Чтобы убедиться в этом, достаточно было посмотреть на экран дешевенького полицейского монитора. Оседлав одного из этих самых случайных партнеров, Наташа скакала на нем, как заправская ведьма, ее волосы стояли дыбом, а искусанные груди прыгали мячиками в такт неистовым движениям.

«Так кто кого насиловал, наркоша ты похабная?» – поинтересовался полицейский.

Поскольку ответить на это было нечего, Наташа забрала заявление и удалилась. Она была из породы тех девушек, которые всегда шли по пути наименьшего сопротивления. Это

значит – вниз.

Все ниже, и ниже, и ниже...

* * *

Она шла, опустив голову, и ей казалось, что ее ведут на привязи, как это уже случалось однажды. Но ошейника на Наташиной шее не было. Ею управлял инстинкт наркоманки. Она шла на запах героина. Ее походка была походкой зомби.

Идет бычок, качается, вздыхает на ходу... Кто читал эти стишки Наташе, когда она была маленькой девочкой с большими доверчивыми глазами? Мама? Папа? Бабушка? Неважно. Время сказок прошло. Теперь взрослая жизнь, и нечего надеяться на чудо.

– Деньги вперед, – хрипло произнесла Наташа, приблизившись к «Ауди».

– Какие мы строгие! – заулыбался парень в салоне. – Привет, Натаха. Чего сипишь? Опять голос сорвала?

Его лицо показалось смутно знакомым. Ах да! Это же Гоша из охраны похитившего ее Соловьева! А остальные двое – Чук и Гек, как их называли приятели. Выходит...

Наташа и ахнуть не успела, как грубые руки втянули ее в машину. Оплеуха, другая, и вот уже машина сорвалась с места и понеслась куда-то. По радио зачитывали прогноз погоды. Будет ясно и солнечно, ни дождика, ни ветерка. При-

ятный девичий голосок пожелал радиослушателям доброго дня и хорошего настроения. К Наташе Беловой это не имело никакого отношения.

– Вот и свиделись снова, – сказал сидящий за рулем Гек. – Не ожидала? Это хорошо, что не ожидала. Пусть тебе это будет приятным сюрпризом.

– Или неприятным, – фыркнул Чук.

– Отпустите, – взмолилась Наташа.

– *Опустим*, обязательно *опустим*, – пообещал Гоша. – Из-за тебя, коза драная, нашего босса завалили, забыла?

Разве такое забудешь? По всем местным телеканалам крутили репортажи о дерзком убийстве курганского бизнесмена Соловьева. Его начальник службы безопасности скончался от огнестрельных ран в больнице. Убийцу арестовали на месте преступления. Им оказался Таранов. Единственный во всем мире человек, вступившийся за Наташу. С тех пор как он попал в тюрьму, она осталась без защиты и поддержки.

Выходит, кроме самой Наташи, постоять за нее некому.

– Он сам виноват, ваш Соловьев! – сказала Наташа.

– Вот как? – удивился Чук. – Ты, сука, прописала в своей газетенке, что братья Соловьевы воры и убийцы, они тебя проучили немного, так они же и виноваты? Ошибаешься, тварь.

– За все ответишь, – прошипел Гоша, хватая пленницу за подбородок.

– Не прикасайся ко мне! – закричала она и умолкла, уви-

дев у самых глаз блестящий кончик ножа.

Можно было рассмотреть мельчайшие царапинки и зазубринки на его лезвии. Наверное, им не раз вспарывали консервные банки. И человеческие животы, которые, конечно же, несравненно мягче. Наташа представила себе, как плоская полоска стали вонзается в нее, и вздрогнула, почти физически ощутив холодное острое в сердце.

– Не дергайся, – ухмыльнулся Чук, приобнимая ее за плечи. – А то приедешь к боссу слепая. – Кончик ножа прикоснулся к верхнему веку, заставляя его открыться шире. – Ты ведь не хочешь лишиться глазок? Или носика? Или ушек?

Острое поочередно кольнуло переносицу и мочку уха.

– Нет, – пролепетала Наташа. От страха она впала в полубморочный ступор. О том, чтобы звать на помощь, она даже не помышляла. Голос пропал, а нож, маячивший перед глазами, отбивал охоту спорить и сопротивляться.

По радио пела Мадонна. В зеркале, подвешенном над лобовым стеклом, маячили немигающие глаза Гека.

– Как насчет минета? – спросил он, косясь на заднее сиденье, где сидела Наташа, зажатая между двумя парнями. – Ты ведь не против?

Прятели зашевелились, предвкушая удовольствие. Чук расстегнул штаны, демонстрируя свое мужское достоинство. Гоша поспешил последовать примеру приятеля. Наташу замутило от запаха мочи.

– Режь! – взвизгнула она, готовая умереть, лишь бы не

подвергнуться унижению. – Режь, коли, убивай! Сволочь! Все вы сволочи! Попробуйте только!

Она и сама не ожидала от себя такой отваги. Похитители тоже. Гек сплюнул в открытое окно. Гоша и Чук неохотно застегнул молнию на джинсах. Потом Чук извлек откуда-то плотный черный пакет и вздохнул:

– Ну, на нет и минета нет. Подставляй голову.

Наташа отшатнулась:

– Зачем?

– Чтоб по сторонам не пялилась, – рявкнул Гек, прибавляя газу.

Пакет с шуршанием налез на голову Наташи. Стало темно и душно. В горле набух комок, икры ног начали сводить судороги. Ломка возвращалась. Но сегодня Наташа охотно согласилась выдержать без наркотиков хоть всю оставшуюся жизнь, лишь бы оказаться где-нибудь далеко-далеко от подручных Соловьева. Неужели по прошествии нескольких месяцев он решил отомстить за смерть брата? Тогда все, конец. Никто Наташу не спасет, никто ей не поможет.

Она понурилась, отстраненно прислушиваясь к разговорам в салоне. Может быть, все еще обойдется?

Господи, пронеси и помилуй! Господи, в которого Наташа никогда по-настоящему не верила...

– Бормочет что-то, – сказал Гек, – а чего бормотать? Лучше бы спела чего.

Парни загоготали.

Кажется, сломленная испытаниями, выпавшими на ее долю, Наташа задремала. Или просто потеряла сознание. Во всяком случае, когда она вновь сообразила, что сидит в покачивающейся машине с мешком на голове, до ее ушей не доносился шум проезжающих мимо автомобилей, зато она явственно слышала, как по стеклам хлещут ветки, а под колесами хрустят сучья. Лес? Ее завезут в чащу и убьют?

Перед мысленным взором появилась яма, пахнувшая наваленной по краям земель. Среди жирных комьев копошились какие-то насекомые. Яма была до того реальной, что Наташа похолодела.

— Где мы? — спросила она непривычно тоненьким голосом.

— Ты — в заднице, — ответил ей кто-то из парней.

По радио пел Дима Билан. Как всегда, о любви. Его голос был полон профессиональной тоски. Интересно, как бы он запел, если бы его привезли в лес с полиэтиленовым пакетом на голове?

Это были глупые, короткие мысли, с которыми Наташа ничего не могла поделать. Они сами появлялись в мозгу, стремительно сменяя друг друга. Дима Билан, надкушенное яблоко, которое никто не доест, грязная ночная рубашка, которую никто не постирает, распахнутое настежь окно с телепающейся гардиной. *А что, если пойдет дождь? А ничего...*

«Ауди» остановилась. Наташу выволокли из салона, подхватили под локти и повели, точнее, понесли, изредка позволяя касаться земли ногами. Открылась и закрылась дверь. Подошвы сапог ощутили ступени, спускающиеся вниз. Еще одна дверь. Грубый толчок в спину.

Наташа ойкнула, упав на четвереньки. С нее стянули пакет, и она шумно задышала. Глаза поднимать не хотелось. Все, что видела перед собой Наташа, это ковер и ноги – много мужских ног в разнообразной обуви.

– Смотри сюда, – велел незнакомый баритон.

Не меняя позы, Наташа вскинула взгляд. Она находилась в нескольких шагах от низкого массивного стола, заставленного бокалами, бутылками и тарелками. Над столом поднимался сигаретный дым. За этой дымной завесой маячило незнакомое лицо в золоченых очках. Очки казались лишними. Как и мальчишеский чубчик, падающий на лоб мужчины.

– Узнаешь? – спросил он.

Наташа кивнула. Это был Андрей Игоревич Соловьев, старший брат покойного Соловьева Алексея Игоревича. Впрочем, теперь он ничьим братом не являлся, ни старшим, ни младшим. Он был сам по себе – грузный, плохо выбритый, с дурацким чубчиком до бровей.

Наташа задрожала, как будто корчилась на пронизывающем ледяном ветру. В голове носились, сталкиваясь, беспорядочные мысли. «Пропала!.. Что делать, что мне теперь де-

лать? Сопротивляться? Предложить денег? Пригрозить полицией? Чушь, чушь! Какая полиция, откуда? Но на кого тогда надеяться, Господи, на кого?»

– Язык проглотила? – прошипели сзади, и Наташа вздрогнула от пинка в ягодицы. – Босс спрашивает, ты его узнаешь?

– Узнаю, – тонко сказала она. – Я видела вас на фотографиях.

– Безмерно счастлив, – ухмыльнулся Соловьев. – Я давно мечтал потолковать с тобой без помех. Интересно пообщаться с журналисткой, которая окрестила меня и брата вурдалаками, высасывающими последние соки из несчастных жителей Курганска.

– Простите меня, – пробормотала Наташа, становясь на колени. – Пожалуйста, ну пожалуйста.

– Оборзела, шалава! – восхитились в комнате. – Простить ее! Нет, ну вы слышали?

– Конечно, я тебя прощаю! – воскликнул Соловьев, делая глоток из бутылки. – Как можно не простить такую славную девушку? Ну написала пасквиль обо мне и о моем бизнесе... Ну попросила дружка убить моего брата... Какие пустяки! – Очки Соловьева сверкали яростным электрическим светом, за которым глаз видно не было. – Говорить не о чем.

– Я его ни о чем не просила, – сказала Наташа. – Он сам.

– Отомстил, значит?

– Отомстил...

– Вот и я хочу отомстить, – заорал Соловьев, и стало за-

метно, что он сильно пьян. — Я долго выжидал удобного момента. Ты так редко выходила из дома. Но я знал, где ты рано или поздно появишься. И даже время рассчитал правильно.

— Понятно, — пробормотала Наташа, лишь бы не молчать.

Шок постепенно прошел, и она украдкой разглядывала низкое просторное помещение, в котором находилась. Это был подвал, соединенный двустворчатой раздвижной дверью с подземным гаражом. В проеме поблескивала корма угольно-черного джипа, напоминающего катафалк. Наташе это почему-то сильно не понравилось. Еще меньше ей понравился противогаз в руках одного из охранников. Их было тут около десятка, охранников. Но Наташе бросился в глаза именно этот — с противогазом.

— Это хорошо, что ты такая понятливая, — продолжал Соловьев, прожевав дольку лимона. — Плохо другое.

— Что? — спросила Наташа.

— Плохо, что жизнь у тебя только одна. Я бы за брата забрал сто таких паршивых жизней... тысячу... миллион! — Лицо Соловьева перекосилось, словно он прихлебывал не алкоголь, а расплавленный свинец, сжигающий его изнутри. — Тварь, шлюха, курица безмозглая! — Сорвав очки, он со всей силы швырнул их об стол. — Кто тебя надоумил соваться в наши дела? Кто заказал статью?

Наташа, стоя на коленях и прижимая руки к груди, стала оправдываться. Соловьев внимал ее сбивчивой, сумбурной речи молча, не перебивая и никак не выражая своего отно-

шения к тому, что слышал. Но она видела: глаза его, маленькие, мутные, налитые кровью, отображают все, что угодно, кроме понимания и сочувствия.

– Ты давала против меня свидетельские показания? – Он наконец-то заговорил, и голос его звучал неожиданно тихо и даже как-то сонно.

Она кивнула, не поднимая головы, не решаясь вытереть слезы, выступившие на глазах. Соловьев встал, покачнулся, сделал несколько шагов по комнате. «Сейчас он уйдет, – подумала Наташа. – Просто молча уйдет и оставит меня на растерзание своей своре. Меня пристрелят или забьют ногами до смерти. Это конец».

* * *

Она ошиблась. Ничего еще не кончилось. Плюхнувшись в кресло, Соловьев произнес:

– Хватит болтать. Встань.

Наташа подчинилась. Ей пришлось раздвинуть ноги пошире, чтобы не упасть. Ее пошатывало.

– Закати рукав, – приказал Соловьев.

Повинуясь его жесту, вперед выступил Гек, бережно держа одноразовый шприц со сверкающей каплей на конце иглы.

– Не надо, – сказала Наташа, – я не хочу.

Но руку подставила сама, выпрямив ее, чтобы четче обо-

значились вены на локтевом сгибе. Гек умело сделал укол. Помещение сразу сделалось просторнее, краски – ярче, звуки – громче.

«Получила свое? – спросил внутренний голос. – Ты ведь именно об этом мечтала?»

– Раздевайся, – велел Соловьев, поглядывая на часы.

Наташа сбросила плащ, упавший на ковер. Шуршание длилось дольше обычного и напоминало шорох волн, набегающих на прибрежный песок. Но под ногами Наташи был только пыльный ковер, она это отчетливо видела. Она была способна рассмотреть каждую ворсинку, каждую ниточку и волосок.

– Дальше, – потребовал Соловьев, облизнувшись.

– Оглохла? – рывкнул парень с желто-зеленым фингалом во всю щеку. – Скидывай все.

– Вы будете меня насиловать? – спросила Наташа, внутренне поражаясь равнодушию своего тона.

– Я? Тебя? – Соловьев расхохотался, опрокинув бутылку на столе. – Кому ты нужна, дешевка? Даже групповухи не будет, не надейся. А будет знаешь что? – Он напялил очки, убедился, что стекло треснуло, и зашвырнул их в угол. – Тебя трахнет только один из моих пацанов, для достоверности. А завтра утром или послезавтра тебя найдут в гараже на окраине. Очередная наркоманка. Голая поблядушка, отравившаяся выхлопными газами. Что может быть естественнее? – Соловьев опять зашелся диковатым смехом. – Это называется

бытовуха.

Гараж... выхлопные газы... Бытовуха...

Наташа помотала головой, надеясь прогнать кошмар и проснуться в своей комнате, на своей кровати. Пусть там бродят черные лошади и кошки, пусть что-то нашептывают всякие мохнатые карлики, пусть! Но к ним Наташа не перенеслась, и чуда не произошло.

– Приступай, Янычар!

Подчиняясь властному окрику Соловьева, кто-то подскочил к Наташе сзади, стянул с нее свитер, взялся за джинсы, потянул вниз вместе с трусами, засопел, торопясь получить свое.

Пару минут спустя он облегченно замычал, несколько раз остервенело качнул Наташу вперед и назад, а потом брезгливо оттолкнул, словно имея дело не с девушкой, а с отслужившей свое рухлядью.

– Заводите «мерс», – слышался голос Соловьева.

Одновременно с этим воздействие наркотика закончилось. Все стало очень буднично и страшно.

Распростертую на полу Наташу обступили, удерживая за руки и за ноги. То ли Чук, то ли Гек заставил ее запрокинуть голову. Она увидела перед собой маску противогаса, растянутую чьими-то пальцами. Потом мир сузился до размеров этой маски.

Волосы скрипели и рвались под грубым напором резины. Потом она больно хлопнула по щекам и подбородку. Круг-

лые стекляшки перед Наташиными глазами запотели. Она почти ничего не видела и совсем ничего не понимала.

Неужели все это взаправду? Неужели сейчас Наташи не станет, и она перестанет видеть мир даже сквозь эти мутные окошки?

Взяв девушку за руки и за ноги, парни поднесли ее к поддрагивающей выхлопной трубе джипа. Одни прижимали ее к полу, другие возились с гофрированным шлангом.

– Бачок не откручивается, – донеслось до Наташи сквозь шум в ушах.

– Режь на хер!

Девушка инстинктивно втянула живот, но резали не ее, резали «хобот» противогаса. Она рванулась и получила беззлой удар в лоб.

– Расслабься, слоник.

– Ща ты у нас токсикоманкой станешь.

– Гляди, обмочилась!

– Прыгает, как рыба на сковородке!

Наташа не соображала, что все это имеет какое-то отношение к ней. В разинутый рот ворвался удушливый газ, от которого запершило в горле. Закашлявшись, она сделала еще один вдох. Легкие наполнились ядовитой смесью. Наташе удалось высвободить одну ногу, она лягнула кого-то, но от этого ничего не изменилось.

Последнее, что она ощутила, это прикосновения жадных мужских рук, гуляющих по телу, выгибающемуся дугой. Де-

вушку все еще лапали, когда ее не стало. Она провалилась в бездонную пропасть, откуда не было возврата. Там не было ни зверей, ни карликов, ни людей. Наташи Беловой там тоже не было. Она пропала.

Глава 3

Под прессом

Таран, думая о Наташе, представлял ее живой и красивой. Он повидал на своем веку немало трупов, но не допускал мысли о том, что девушка, на которой он едва не женился, тоже может превратиться в такой же труп – холодный, бездыханный, равнодушный ко всему на свете.

Живые не в состоянии прочувствовать ужас смерти, как мертвые не могут ощутить радость жизни. Они находятся по разные стороны пропасти, не видят друг друга, не слышат и не понимают. Когда Таран вспоминал кого-то из умерших родственников или погибших друзей, он всегда думал о них, как о живых.

Наташа тоже была для него живой.

Он вспоминал, как в последний раз говорил с ней, и жалел, что не нашел нежных слов. Он винил себя в равнодушии. Он обзывал себя чистоплюем.

Угрызения совести донимали сильнее изжоги. Дневной сон не шел. Сколько ни вертелся Таран, сколько ни переворачивал плоскую подушку, забыться не удавалось. Мешали взбудораженные нервы и невеселые думы, которые имеют обыкновение одолевать людей, остающихся в одиночестве.

Вольготная жизнь на зоне Тарану не светила, о чем с удо-

вольствием сообщил ему «кум», зачитав отрицательный ответ на ходатайство о переводе в лагерь общего или хотя бы строгого режима. Значит, весь немалый срок придется тянуть здесь, в «крытке», без кислорода и надежды на побег. Не сегодня-завтра переведут Тарана из «осужденки» в камеру постоянных сидельцев, а там и «тубик» не за горами. *Не будет гроба, не будет слез, сгноит на иконке туберкулез.*

А как же Наташка? Ее посадили на иглу, и вряд ли она сумеет спрыгнуть самостоятельно. Кто удержит ее от попыток самоубийства? Кто поквитается с ее обидчиками, если Таран выйдет из тюрьмы чахлым доходягой? Сколько ему тогда будет лет? Даже считать не хочется. Будущее покрыто туманом, о недавнем прошлом вспоминать тошно, а день сегодняшний едва не завершился крупными неприятностями. Если бы не Шестипалый...

Известная, даже легендарная личность. Видеть Шестипалого Тарану не доводилось, а вот баек о нем наслушался с избытком. Как же может быть иначе, если этот вор в законе «держит» тюрьму, обладая властью куда большей, чем граждане начальники со сворами надзирателей и охранников. Необычное погоняло получил он за сверхъестественную ловкость рук, проявленную в молодости при карманных кражах. Потом были отсидки, во время которых Шестипалый бесстрашно садился играть с лучшими картежными шулерами и обдирал их до нитки, пополняя тем самым воровской общак. К тридцати пяти годам он был коронован и с тех пор

достиг невиданных криминальных высот...

Какой же ему резон подписываться за незнакомого арестанта? Откуда вообще уважаемый вор знает о существовании Тарана? Что это было – случайное совпадение или обдуманный ход? Нет, совпадение исключается. Авторитеты вроде Шестипалого никогда ничего не делают просто так. Значит, Таран для чего-то ему понадобился. Опасная ситуация. Не за красивые же глаза взят Таран под защиту. Значит, что-то от него потребуется взамен. Что именно? И как поступить, если Шестипалый предложит выполнить какое-нибудь поручение?

Отказаться? Согласиться?

Размышления прервал окрик надзирателя-попкаря, заглянувшего в камеру:

– Таранов! На выход.

– С вещами? – спросил Таран, спрыгивая со шконки.

– С девочками, ключами от тачки и кредитками! – сострил надзиратель под смех заключенных. – Живей, Таранов. Не то допинг применять придется. – Он многозначительно похлопал дубинкой по ладони. – Будешь чемпионом по бегу на короткие дистанции.

Провожаемый любопытными взглядами, Таран вышел из хаты, привычно заложил руки за спину и двинулся по коридору, гадая, куда его ведут. Судя по тщательному обыску в конце второго этажа, к кому-то из высокого начальства. Однако вместо того, чтобы подтолкнуть Тарана к повороту в

административный корпус, надзиратель скомандовал:

– Вниз. Голову опустить, по сторонам не смотреть.

На первом этаже задержались возле решетки и продолжили спуск по лестнице. Тарану это не понравилось. Что за дела? В подвале размещаются камеры для особо опасных преступников плюс несколько одиночек, в которых квартируют смертники. Ну и штрафные изоляторы, конечно. Выходит, в ШИЗО ведут?

– Меня на подвал? – спросил Таран, подвергаясь вторичному обыску у очередной решетки.

– Нет, – коротко ответил надзиратель, сменивший первого.

Странно. При переводе в новую камеру заключенные забирают вещи и матрацы, а Таран идет налегке. Куда же его, если не в изолятор? Может, тут у них «пресс-хата»? Но зачем прессовать осужденного, не ушедшего в несознанку и покорно схлопотавшего свой срок? Впрочем, если Тарана действительно решили забросить к отморозкам, то ему хана. Даже бритвы при себе нет, чтобы вскрыть вены в случае беспредела. Оставалось полагаться на собственные силы. Их у Тарана, слава богу, хватало.

– Стоять! – скомандовал надзиратель в глухом закоулке с одной-единственной дверью под номером семнадцать. – Руки за голову, лицом к стене.

Заскрежетал отпираемый замок. В ноздри ударил неожиданно приятный запах домашней жратвы.

Переступив порог, Таран замер, осматриваясь. Камера, в которую его втолкнули, была пятиместная: пара двухъярусных коек и одна одноярусная – лежбище местного пахана. Скорее всего, им являлся круглоголовый амбал в черной майке, восседавший за столом на ближнем к окну месте. Вокруг него сгрудились четверо остальных обитателей – щетинистый кавказец, белобрысый амбал с кроличьими глазами, молодой парняга с длинными обезьяньими лапищами и бритый наголо толстяк, череп которого лоснился в тусклом свете. Все пятеро, не обращая внимания на Тарана, угощались снедью, разложенной на «дубке». Были здесь и белые булки, и консервы, и тушенка, и даже литровка иностранной водьяры. Отсутствовала только колбаса, официально порицаемая эками за красный цвет, а на самом деле – за сходство с мужским членом. Но и без колбасы за столом было чем поживиться.

«Неудивительно, что они такие ряшки отъели, – подумал Таран, непроизвольно глотая слюну. – Нехилые ребятишки. У Кавказца костяшки пальцев – что твои орехи, у Орангутанга – бицепсы потолще моих ляжек будут, да и остальные – отъявленные мордовороты. Какого хрена меня к ним забросили? Если это Шестипалый облагодетельствовал, то лучше бы я с братвой Паленого разбирался».

– Привет *чесной* компании, – отчетливо произнес Таран.

Он умышленно переиначил слово «честной», чтобы не дать повода придраться к обращению. Здраваясь с незнако-

мыми арестантами, необходимо соблюдать предельную осторожность. Поприветствуешь братву или бродяг, значит, мужиков не шибко уважаешь, относишь себя к тюремной элите, а это еще обосновать надо... «Мир вашему дому» – тоже чересчур витиеватый, а потому рискованный вариант. Ну а всякие там «здрасьте» и «добрый день» – это для лохов.

Толстяк, окрещенный Тараном Черепом, поднял на него бычьи глаза.

– Кто здесь честный, а кто нет, еще не ясно, – прожевал он вместе с батоном.

– Если мы честные, то ты какой? – подхватил Белообрысый.

Ну, началось. Теперь держись. Зэка – он как сапер, ошибается только один раз.

– Я сказал «чесной», – напомнил Таран спокойно и сделал два шага вперед. – Если кто-то не расслышал, то не мои проблемы. Кто рулит в хате? Я Таран из двести пятой. Может, объясните, что я здесь делаю?

– Может, сам объяснишь? – поинтересовался Орангутанг с нескрываемой угрозой. – Лично мы официантов не вызывали.

– Без подсадных воздух чище, – подмигнул Череп.

Как ни странно, его действительно звали так.

– А ну, Череп, встретить гостя и проводи к дубку, – велел пахан в черной майке.

Взгляд его лучился гостеприимством, и Таран едва не попал в расставленную ловушку. Подойдя, Череп выставил пе-

ред собой ладонь. Инстинктивным движением было пожать ее, но в последнюю секунду Таран вспомнил, что в тюрьме за руку не здороваются.

– Что с клешней? – дружелюбно спросил он. – Парализовало?

– А ты доктор? – разозлился Череп, сообразивший, что хитрость не удалась. – Курево есть? – Он сделал вид, что протянул руку за сигаретой.

– Есть, – сказал Таран, обошел его, как неодушевленный предмет, и остановился напротив пахана. – Невежливо встречаете бродягу, – произнес он. – Есть претензии?

– Там, где были к нему претензии, на могилке растут гор-тензии, – дурашливо пропел Кролик.

– Падай, – предложил пахан, указывая взглядом на свободное место.

Таран подчинился. Он не спешил проявлять характер. Пускай сперва проявят себя новые попутчики.

И они проявили.

* * *

Вернувшийся к столу Череп сунул в рот ложку тушенки и с аппетитом зачавкал. Есть Тарану хотелось не так уж сильно, но то, что ему не предложили угощаться, означало: «тут тебя никто не уважает, так что на нормальное отношение не рассчитывай».

– Ты кто по жизни? – приступил к допросу пахан.

Ну вот, случилось то, о чем предупреждал недавно Паленый. Чтобы отнести себя к братве, требуются четкие обоснования, которых у Тарана нет. Назваться же «мужиком» – равнозначно тому, что поставить себя ступенькой ниже себе-седников. Тем самым ты признаешь воровские правила игры и уже не имеешь права беседовать с ними на равных.

– По жизни я большой любитель пива, – закосил под ду-
рочка Таран.

Тем самым он перехватил инициативу. Теперь пахан вынужден или «съехать с темы», или задавать наводящие вопросы. Если при этом будет допущена грубость, то Таран вправе ответить тем же. Дальше по обстоятельствам. Но «по понятиям» у Тарана появится формальный повод для применения силы.

– Грамотный? – поинтересовался пахан.

– Не то чтобы очень, но кой-чему обучался.

– Откуда ты?

Таран ответил. Назвал также фамилию и статью. А затем напрягся, услышав вопрос, заданный подчеркнуто равнодушным тоном:

– Кого из авторитетов знаешь?

– Паленого, например, – осторожно ответил Таран.

– А выше? – засопел придвинувшийся Череп.

– Выше – крыша, – парировал Таран, – а дальше не вижу.

– Ты не съезжай с базара по-скользкому, – предупредил

Кролик, подвигая к себе здоровенную зеленую кружку с отбитой эмалью. – Тебя по-нормальному спрашивают, кого из мастевых знаешь?

– Может, Шестипалого? – подмигнул Орангутанг.

– Ну, если Шестипалого, то тогда разговор другой будет, – протянул пахан.

Какая-то фальшивая нотка прозвучала в его голосе. Тарану стало ясно, зачем его пригласили за стол. Обитатели камеры откуда-то знали про сегодняшнюю маляву и как бы предлагали Тарану воспользоваться авторитетным прикрытием. Но саму-то маляву он в глаза не видел. А что, если Паленый специально разыграл спектакль? Что, если он в сговоре с братвой из этой явно не простой камеры? Все-таки «пресс-хата»?

«Так и есть!» – пронеслось в мозгу Тарана, когда он увидел, что Кролик как бы невзначай запихивает в кружку увесистый кулек с сахаром. Судя по отбитой эмали и по многочисленным вмятинам, кружка неоднократно использовалась не по прямому назначению. *Чифбак* – ударное оружие, пускаемое в ход, когда нужно отрубить противника с первого же удара.

То косясь по сторонам, то наблюдая исподлобья за Кроликом, Таран хранил молчание.

– Ну, не знаешь, тем хуже для тебя, – проворчал пахан, складывая руки на груди. – Тут нам шепнули, что ты погоны раньше носил. Красноперый?

Дипломатия закончилась, начались провокации на границе. Следовательно, войны не избежать.

– Погоны у спецназовцев ГРУ не красные, да и вообще никогда не носятся, – тихо ответил Таран.

– Красноперый или нет? – раздраженно выкрикнул Кавказец. – Прямо говори.

– А что, ты здесь вопросы задаешь?

– Я, – вмешался пахан. – Я задаю, а ты не отвечаешь.

– Да, я служил в армии, – подтвердил Таран, не сводя глаз с толстых пальцев Кролика, обхвативших кружку. – И офицерское звание носил. И боевые награды. Но это в прошлом. В далеком прошлом.

– О! – Череп щелкнул пальцами. – Сам признался. Сейчас мы тебя тоже наградим за верную службу. По-нашему. Орденом Красной Звезды со сквозной закруткой.

– погоди, – поморщился пахан. – Таран себя нормально зарекомендовал. Неохота его за былые грехи ломать. Дадим ему шанс, братва?

– Дадим, – раздался голоса. – Дадим, отчего же не дать.

Кролик приподнял кружку и покачал, взвешивая ее в руке.

– Что за шанс? – любопытствовал Таран, слегка откидываясь назад.

– А ты не понял? – изумился Кавказец.

– Не въехал до сих пор? – выпучил глаза Орангутанг.

– Это «пресс-хата», – заговорил пахан, усмехаясь. – Тут

так опускают, что уже не подняться. Но для тебя сделаем исключение. Ломись из хаты, пока я добрый.

– Ломиться? – переспросил Таран.

– Ага. Стучи в дверь, зови попкарей на помощь.

– Кричи, что, мол, обижают, – хохотнул Кролик.

– Тебя выпустят, – пообещал Кавказец.

– Как потом на меня честные пацаны смотреть станут? – поинтересовался Таран.

– Лучше, чем на петушилу, – сказал Череп.

Он еще весело скалился, когда локоть Тарана врезался ему точнехонько в висок.

– Уй! – простонал Череп, заваливаясь на бок с открытой банкой сгущенки в руках.

Все воры, включая пахана, вскочили на ноги. Кролик замахнулся своим эмалированным оружием. Готовый к этому Таран упал на спину, кувыркнулся через голову и выпрямился в бойцовой стойке.

Кролик, потерявший равновесие при ударе в пустоту, рухнул животом поперек стола. На пол со звоном полетели миски и ложки. Кавказец и Орангутанг бросились вперед, подбадривая себя воинственными криками.

Первого Таран встретил коротким хуком в подбородок, второго хлестнул пальцами по глазам, развернул и толкнул на подоспевшего Черепа. Затем, не сбавляя темпа, он запрыгнул на стол, достал ногой разинутый рот Кролика и взялся за пахана. Тот, попятившись, запустил пятерню под

матрац верхней койки, но достать ничего не успел. Таран рванул на нем майку, накрывая ею перекошенное лицо, а свободную руку, сжатую в кулак, дважды впечатал в оголившееся брюхо.

– Ох! – крикнул пахан. – Ох! – и сложился пополам, потеряв интерес к происходящему.

Едва Таран отпрянул в сторону, как на то место, где он только что стоял, обрушился табурет. На пол посыпались доски с торчащими гвоздями. Держась за отломленные ножки, Череп недоуменно захлопал глазами, но слишком долго заниматься этим ему не довелось. Спустив ему на локти растегнутую рубаху, Таран лишил его возможности двигать руками, боднул его в нос и вновь сменил позицию, уклоняясь от беспорядочных ударов Кролика, Кавказца и Орангутанга.

Маневрируя, он наступил на дощечку с торчащим гвоздем, но не стал тратить время на то, чтобы оторвать от нее подошву. Все его внимание было сосредоточено на противниках, все силы вложены в блоки и удары.

Легче всех отделался красноглазый альбинос, отправленный пяткой в зазор между койками. Кавказцу, схватившему ложку с заточенной ручкой, Таран вышиб парочку передних зубов, а потом еще и приложил его носом об стол. За это время Орангутанг неоднократно достал его кулачищем и носком башмака, но все это были суетливые, скользящие удары.

– Вот как надо, – сказал ему Таран.

И продемонстрировал, стремительно работая руками.

Когда Орангутанг наконец повалился на пол, его физиономия представляла собой кровавую маску с белыми от боли глазами. Воспользовавшись передышкой, Таран избавился от деревяшки, приклеившейся к подошве. В кроссовке сразу стало мокро от крови. Не обращая внимания на эту царапину, Таран шагнул к пахану.

– Хорош! – просипел тот, не в силах ни разогнуться, ни оторвать скрюченные пальцы от живота.

Хорош? В смысле, хватит? Это он после того, как признался, что заведует пресс-хатой? Шалите, граждане отморозки, теперь и понятия против вас, и, что еще хуже, не совсем вписывающийся в понятия Таран.

Раз-два! Совершив изящный пируэт, он нанес два точных молниеносных удара, слившихся практически в единое целое. Первый, произведенный внешним рантом ботинка, пришелся в коленную чашечку Кавказцу, второй – основанием ладони – в верхнюю губу Кролика. Кавказец сделал шагок и рухнул лицом вниз как подкошенный. Кролика Таран захватил пальцами за многострадальную губу, потянул на себя и подвел к двери.

– Стучи, – сказал он. – Тут кто-то выламываться из хаты предлагал. Я не возражаю. Выламывайтесь, козлы.

– Ты кого это...

Хрясь! Получивший по ушам Череп тоненько завыл, пряча голову в ладонях. Хрясь! Разогнувшийся наконец пахан улетел за стол, кроша там уцелевший табурет.

– Стучи, – повторил Таран мычащему Кролику.

Тот подчинился.

– Что дальше? – проскулил он, когда его распухшая губа выскользнула из разжавшихся пальцев.

– Как что? – удивился Таран. – Кричи.

– Что? – гнусаво спросил Кролик, пойманный на этот раз за нос.

Его кореша вяло шевелились, приходя в себя после полу-ченной трепки. Они походили на людей, побывавших в самом сердце урагана.

– На помощь зови, – подсказал Таран. – Мол, убивают и все такое. Только на полном серьезе кричи. Потому что я ведь и действительно пришибить могу. Веришь?

– Конвой! – заорал Кролик. – Вскрывай хату, пока нас тут этот псих не пришиб на хрен!

Это было не совсем по сценарию, но Таран возражать не стал. Пусть будет импровизация. Главное, чтобы от души.

Глава 4

Пахан в натуре

Примерно через час, а может, и менее того, Тарана вновь повели по тюремным коридорам. Шаги гулко отдавались от металлических ступеней при переходах с этажа на этаж. Контролеры провожали Тарана взглядами, как осужденного на казнь.

Карцер? Еще какая-нибудь гнилая хата?

Эти и многие другие предположения мелькали в голове Тарана с калейдоскопической скоростью, но ни одно из них не оказалось верным. Его сопровождали в одиночную камеру, где со всеми удобствами располагался Шестипалый. Имя его было известно как в тюрьме, так и далеко за ее пределами. Авторитет его был непререкаем среди воров и честных каторжан.

Только наколки на теле Шестипалого внушали одним уважение, другим – трепет, третьим – ненависть. Храм с многочисленными куполами во всю грудь свидетельствовал о бесконечных ходках и судимостях. Синие витые погоны и звезды вокруг сосков говорили о высочайшем воровском ранге. На правом плече скалился черный кот с финкой в зубах, а на правом изогнулась голая женщина, распятая на кресте вниз головой. Были, конечно, и другие татуировки, помельче

— широко открытые глаза, выискивающие стукачей и активистов, змеи, парусники, роза, обвитая колючей проволокой, всевозможные буквы и надписи, понятные лишь просвещенным. Короче говоря, тело Шестипалого представляло собой настоящую галерею, увидев которую человек понимал, что перед ним находится личность авторитетная и незаурядная.

Однако старый вор не выставлял свои наколки напоказ. Во-первых, его шестидесятилетнее тело было слишком дряхлым, чтобы гордиться им, как в молодости. Во-вторых, уже давным-давно кличка заменяла ему все прочие регалии воровской власти.

Шестипалый считался одним из самых известных авторитетов своего ареала. Он был коронован в конце восьмидесятых и с тех пор ни разу не уронил достоинство вора в законе. Тюремная администрация обращалась с ним, как с особой королевских кровей. Шестипалый свободно разгуливал по коридорам, даже ходил из корпуса в корпус. Одевался с иголки, во все новое и чистое. На столе у него всегда были свежие фрукты и овощи, потому что организм Шестипалого нуждался в витаминах. Когда ему хотелось, в его камеру проводили корешей с воли или смазливых девиц с упругими грудями и попками. Спиртное, курево, наркоту или лекарства Шестипалый заказывал контролерам так непринужденно, словно речь шла о потрепанных книгах из тюремной библиотеки. Однажды в его камере даже состоялась многолюдная встреча, которую полиция позже назвала воровским

сходняком. Шестипалый лишь усмехался. Он утверждал, что просто захотел повидаться со старыми друзьями и порешать кое-какие вопросы.

Почему бы и нет? Его камера представляла собой что-то вроде государства в государстве. Кроме компьютера, телевизора, холодильника и вентилятора он завел кошку и кормил ее не суррогатным «Вискас», а свежей рыбой и парной говядиной. Когда вечером к нему на огонек заходили «кумовья», он наливал им водку и требовал: «Только выверните свои кители наизнанку. Пуговицы гербовые блестят, пить западло».

Его выдавший виды пейджер образца девяностых не умолкал. Получив сообщение, Шестипалый отдавал распоряжения своим помощникам, а те уже по мобильным телефонам решали от его имени проблемы, «разводили концы», улаживали конфликты. Сам Шестипалый пользовался мобильником редко – был очень осторожным и опасался прослушивания.

Никто в тюрьме не подозревал, что империи всемогущего законника приходит конец.

Шестипалый относился к ворам старых традиций. Коронованных за деньги кавказцев он не уважал, молодых выскочек не жаловал, соблюдал неписанные правила поведения, наркотиков почти не употреблял, выпивал умеренно. Отправляясь в тюрьму, он оставил на воле верных корешей, продолжавших его дело. Им же был поручен двадцатимил-

лионный общак, доверенный Шестипалому большой сходкой.

Казалось, закончится срок, и все пойдет по хорошо знакомой, накатанной колее. Силовики не особо допекали Шестипалого, а иногда и оказывали ему негласную поддержку. Как это происходит, известно каждому мало-мальски сведущему человеку. Криминальные группировки и правоохранительные органы существуют в параллельных мирах, которые время от времени пересекаются. Гораздо чаще, чем это может заподозрить человек, судящий о ситуации по ментовско-бандитским сериалам.

Спецслужбы во все времена решали свои вопросы руками лидеров преступного мира. Те, в свою очередь, нередко прибегали к помощи силовиков. Шестипалый не был исключением, о чем свидетельствовали хотя бы условия его содержания под стражей. Но это шаткое равновесие нарушилось.

Месяц назад, воспользовавшись отсутствием Шестипалого, недруги решили заполучить общак, и в Курганске началась яростная, кровопролитная война. Передел собственности и власти происходил стремительно и беспощадно. В первую же ночь боевых действий были расстреляны неизвестными двое ближайших соратников Шестипалого, наутро автоматными очередями покосило одного влиятельного адвоката и парочку известных бизнесменов.

Потом очередь дошла до фигур помельче, вплоть до уголовных шестерок. Кого-то удушили, кого-то посадили, ко-

го-то нашли умершим от передозировки наркотиков. Некоторые погибали в засадах или в окруженных притонах, другие подались в бега, третьи добровольно стали переходить на сторону противника.

И пока потрепанные бригады Шестипалого зализывали раны и вырывались из засад, был нагло захвачен, обанкрочен и выпотрошен банк, в котором хранился общак. Такого прежде еще не случалось.

Находящийся за решеткой Шестипалый почувствовал, как невидимая удавка затягивается на его шее. Он почти утратил контроль над ситуацией. Пропавший общак не позволял ему обратиться за помощью к ворам в законе, а надежных людей в Курганске с каждым днем насчитывалось все меньше. Бразды правления постепенно брали на себя так называемые «апельсины» – выскочки, противопоставляющие себя ворам старой закалки. Свои понятия, своя феня, свои методы...

На свободе Шестипалый сумел бы дать достойный отпор обнаглевшим шакалам, однако руководить боевыми действиями из тюрьмы было сложно. Он все время запаздывал с ответным ходом или делал его наугад, вслепую, тогда как противники действовали четко, жестко и наверняка. Противопоставить им было нечего и некого. Шестипалый хорошо понимал, что если ему не удастся срочно вернуть похищенную воровскую кассу, то жить ему осталось недолго.

Не знал об этом Таран, заведенный в камеру, показавшу-

юся ему номером люкс не самого дешевого отеля.

* * *

Седовласый хозяин отдельных апартаментов поднялся гостю навстречу и, шаркая шлепанцами, встретил его на середине помещения. Яркий электрический свет, падающий сверху, зачернил бледные лица мужчин четкими тенями. Их глаза были почти не видны под надбровными дугами, а рты казались нарисованными тушью.

Обитатель камеры люкс был одет в длинный шелковый халат, туго затянутый пояском. За его спиной виднелся накрытый стол. Он старался держаться с королевским достоинством, но его опущенные плечи подсказывали, что царственная поза дается ему нелегко.

Таран не сомневался, что видит перед собой Шестипалого. Кто еще мог позволить себе купаться в такой роскоши, находясь за решеткой? Но он не спешил ни здороваться, ни обращаться к хозяину по имени. До сих пор ему было не ясно, для чего его сюда привели и чем этот визит закончится.

– Рад тебя видеть в добром здравии, – произнес хозяин, прикоснувшись руками к плечам Тарана. – Но ты, кажется, хромаешь? Ногу подвернул?

– Наступил на гвоздь, – ответил Таран, не вдаваясь в подробности.

– А что с физиономией? – Хозяин испытывающе прищу-

рился. – Откуда ссадины?

– Насекомых бил, – поморщился Таран, давая понять, что не желает вдаваться в подробности.

– Комары в апреле?

– Тараканы. Обнаглели совсем.

– Бывает, – усмехнулся хозяин. – И часто ты с ними воюешь?

– Когда донимают, – ответил Таран.

– А ты мне нравишься.

– Был бы я бабой, прослезился бы на радостях.

Хозяин досадливо щелкнул языком.

– Грубишь?

Таран пожал плечами:

– В тюрьме меня научили нескольким простым правилам. Одно из них – не покупайся на лесть. Вот я и не покупаюсь.

– Речь не мальчика, но мужа, – одобрил хозяин. – Я вижу, ты на крытке совсем освоился. По фене хорошо ботаешь?

– Не жалуюсь, – сказал Таран. – Это обязательно?

– Ни в коем случае. Ты ведь не вор, не уркаган? Будем общаться цивилизованно. В духе нового времени.

Таран кивнул:

– Заметано.

– В таком случае милости прошу к моему шалашу. – Хозяин гостеприимно указал на заставленный пивными бутылками стол, расположился за ним и подождал, пока Таран последует его примеру. – Угощайся. – Он приподнял крышку

здоровенной кастрюли, откуда вырвался пар, восхитительно пахнувший вареными раками, укропом и какими-то специями. — Прямо с Дона. Здоровенные. — Хозяин сунул руку в кастрюлю и продемонстрировал малинового рака с растопыренными клешнями величиной с детские ладошки. — Раздобрили на донских жмурах. Держи.

Таран принял рака и положил его на стол.

— Брезгуешь? — наморщил лоб хозяин.

Пока он шел к столу, Таран успел полюбоваться атласной тигриной мордой, вышитой на его спине. Зверь, хоть и скалил клыкастую пасть, был совершенно безвреден. Другое дело хозяин. Отеческий тон и миролюбивые повадки не скрывали того факта, что он опасен, смертельно опасен. В присутствии такого лучше не расслабляться.

— Просто я не голоден, — вежливо, но твердо ответил Таран.

Было бы неосмотрительно пить и есть за столом уважаемого пахана, не выслушав, в честь чего предложено угощение. В тюрьме, когда принимаешь бесплатные подарки, ты уже как бы обязан отплатить добром за добро, а Таран не хотел быть обязанным.

Хозяин оценил его поведение.

— Осторожный? — спросил он. — Что ж, это неплохо.

— Согласен, — ответил Таран.

Он не подавал виду, но его мышцы и нервы были напряжены до предела.

– Знаешь, кто я? – осведомился хозяин, кроша зубами панцирь рака.

Зубы у него были по большей части золотые, глаза – стальные, взгляд – тяжелый, а движения вялые, словно бы ленивые. Поведением он напоминал все того же сытого тигра, с которым нужно держать ухо востро.

– Догадываюсь, – кивнул Таран.

– Я – Шестипалый.

Небрежному тону, которым это было произнесено, позавидовал бы Людовик Шестнадцатый. Что ж, корона обязывает, будь она хоть королевская, хоть воровская.

– О тебе много говорят, – сказал Таран.

– О тебе в последнее время тоже, – усмехнулся Шестипалый. – Хлебни хотя бы пивка. «Будвайзер», настоящий. – Он оторвал клешню, хрустел ею, как зверь костью. – Ты заслужил, – пробормотал Шестипалый, высасывая мясо. – Считаю это компенсацией.

– За что?

– Ну, хотя бы за физический ущерб.

– Я здоров.

– Ну все-таки копыто повредил, табло подряпал.

Намеренно или неумышленно Шестипалый перешел на блатной жаргон, но Таран решил не следовать его примеру. Он не настолько хорошо владел витиеватым воровским языком, чтобы беседовать со старым паханом на равных.

– Я не в претензии, – произнес он.

– Тогда как насчет морального ущерба? – поинтересовался Шестипалый, утирая широким рукавом губы, облепленные пивной пеной.

– Не понимаю, о чем ты, – стоял на своем Таран.

– В ту хату, где на тебя наехали, тебя сунули по моему приказу. Хотел проверить, как ты себя покажешь. Нормалек. То, что надо. Фасон держать умеешь.

Хлебая пиво из бутылочного горлышка, Шестипалый косился на Тарана, а свободную руку держал возле мобильного. Надо полагать, за дверью караулили охранники-торпеды, готовые вмешаться в случае сигнала тревоги. Но Таран не был камикадзе, чтобы бросаться на вора в законе. Кроме того, он не видел причин для этого.

– Я не в претензии, – повторил он.

Шестипалый испытывающе посмотрел ему в глаза и перевел взгляд куда-то выше. Похолодев, Таран обернулся. За его спиной стоял угрюмый гигант с такими мощными плечами, что на каждом запросто мог бы устроиться человек среднего телосложения. Было совершенно непонятно, как этот бугай сумел неслышно отворить железную дверь и подкрасться к Тарану сзади, но он проделал это и теперь ждал новых приказов хозяина, сжимая в кулачищах что-то вроде коротенькой скакалки на деревянных ручках. Только натянута между ними была не бечева, а тонкая стальная проволока или гитарная струна. Испытанное приспособление для отрезания неудобных голов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.